

ГЕННАДИЙ СНЕГИРЁВ

ЧУДЕСНАЯ ЛОДКА

ИЗДАТЕЛЬСТВО "ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА"

ГЕННАДИЙ СНЕГИРЁВ

ЧУДЕСНАЯ ЛОДКА

РАССКАЗЫ

Москва «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА» 1982

Писатель Геннадий Снегирёв много видел и рассказал об этом в своих книгах. Он много видел потому, что часто и подолгу ездил — на поездах, пароходах, оленях, ходил пешком. А главное — потому, что он умеет видеть вокруг всё чудесное. Так уж он устроен!

А что это значит — чудесное?

Некоторые люди уверены, что ничего чудесного нет. Им, этим людям, кажется, будто они всё на свете знают и всё в жизни обыкновенно. Разве какая-то варёжка, или трава, или даже простая лягушка могут кому-нибудь показаться чудесными?

Прочти эту книжку, и ты убедишься, что ничего обыкновенного нет: весь мир интересен, чудесен!

Рисунки Н. Чарушина

Снегирёв Г. Я.

С53 Чудесная лодка: Рассказы/Рис. Н. Чарушина. — М.: Дет. лит., 1982. — 32 с., ил.

10 коп.

Рассказы о природе — зверях, птицах, травах, деревьях.

70802—052
С-----232—82
М101(03)82

P2

СКВОРЕЦ

Ходил я в лес гулять. В лесу тихо, только слышно иногда, как деревья от мороза трещат.

Ёлки стоят и не шелохнутся, на ветках подушки снега намело.

Я ногой по ёлке ударил — целый сугроб мне свалился на голову.

Стал я снег стряхивать, смотрю — идёт девочка. Снег ей по колено. Отдохнёт немножко и опять идёт, а сама вверх на деревья смотрит, ищет что-то.

— Девочка, что ты ищешь?

Девочка вздрогнула, посмотрела на меня:

— Ничего, так просто!

И дальше пошла. Сама маленькая, а валенки большие.

Вышел я на тропинку, с тропинки в лес не сворачиваю, а то и так полные валенки снега набралось. Погулял я немножко, ноги замёрзли. Пошёл домой.

На обратном пути смотрю — опять эта девочка идёт впереди меня по тропинке тихо-тихо и плачет. Я её догнал.

— Отчего, — говорю, — ты плачешь? Может, я помогу.

Посмотрела она на меня, вытерла слёзы и говорит:

— Мама комнату проветривала, а Борька, скворец, в форточку вылетел и улетел в лес. Теперь он ночью замёрзнет!

— Чего ж ты раньше молчала?

— Боялась, — говорит, — что ты Борьку поймаешь и возьмёшь себе.

Стали мы вместе с девочкой Борьку искать. Спешить надо: темнеть уже стало, а ночью Борьку сова съест. Девочка в одну сторону пошла, а я в другую. Каждое дерево осматриваю — нигде нет Борьки. Хотел я уже обратно идти, вдруг слышу — девочка кричит: «Нашла, нашла!»

Подбегаю я к ней — стоит она около ёлки и наверх показывает:

— Вот он! Замёрз, бедный.

А на ветке сидит скворец, перья распушил и одним глазом смотрит на девочку.

Девочка его зовёт:

— Боря, иди ко мне, хороший!

А Боря только к ёлке прижался и идти не

хочет. Тогда я на ёлку полез, чтоб его пой-
мать.

Только до скворца долез, хотел схватить,
а скворец к девочке на плечо перелетел. Она
обрадовалась, спрятала его под пальто.

— А то, — говорит, — пока донесу до до-
му — замёрзнет.

Пошли мы домой. Темно уже стало, огонь-
ки в домах зажглись, ещё немного осталось
дойти. Я спрашиваю у девочки:

— А давно у тебя скворец живёт?

— Давно.

А сама быстро идёт, боится, что скворец

под пальто замёрзнет. Я за девочкой иду, стараюсь не отставать.

Пришли мы к её дому, девочка попрощалась со мной.

— До свиданья, — только мне сказала.

Я на неё долго смотрел, пока она валенки на крыльце чистила от снега, всё ждал, что девочка мне скажет ещё что-нибудь.

А девочка ушла и дверь за собой закрыла на щеколду.

ВЕРБЛЮЖЬЯ ВАРЕЖКА

Вязала мне мама варежки, тёплые, из овечьей шерсти.

Одна варежка уже готова была, а вторую мама до половины только связала — на остальное не хватило шерсти. На улице холодно, весь двор снегом замело, гулять меня без варежек не пускают — боятся, что отморожу руки. Сажу я у окна, смотрю, как синицы на берёзе прыгают, ссорятся: наверное, жучка не поделили.

Мама сказала:

— Подожди до завтра: утром к тёте Даше пойду, попрошу шерсти.

Хорошо ей говорить «до завтра», когда я сегодня гулять хочу! Вон со двора к нам дядя Федя, сторож, идёт без варежек. А меня не пускают.

Вошёл дядя Федя, снег веником отряхнул и говорит:

— Мария Ивановна, там дрова на верблюдах привезли. Будете брать? Хорошие дрова, берёзовые.

Мама оделась и пошла с дядей Федей дрова смотреть, а я из окошка выглядываю, хочу верблюдов увидеть, когда они с дровами выезжать будут.

С одной подводы дрова выгрузили, верблюда вывели и привязали у забора. Большой такой, лохматый. Горбы высокие, как кочки на болоте, и набок свешиваются. Вся морда

верблюда покрыта инеем, и губами он что-то всё время жуёт — наверное, хочет плюнуть:

Смотрю я на него, а сам думаю: «Вот у мамы шерсти на варежки не хватает — хорошо бы верблюда остричь, только немножко, чтобы он не замёрз».

Надел я быстро пальто, валенки. Ножницы в комодѣ нашёл, в верхнем ящике, где всякие нитки, иголки лежат, и вышел на двор. Подошёл к верблюду, погладил бок. Верблюд ничего, только косится подозрительно и всё жуёт.

Залез я на оглоблю, а с оглобли сел верхом между горбами.

Повернулся верблюд посмотреть, кто там копошится, а мне страшно: вдруг плюнет или сбросит на землю. Высоко ведь!

Достал я потихоньку ножницы и стал передний горб обстригать, не весь, а самую макушку, где шерсти больше. Настриг целый карман, начал со второго горба стричь, чтобы горбы были ровные. А верблюд ко мне повернулся, шею вытянул и нюхает валенок.

Испугался я сильно: думал, ногу укусит, а он только полизал валенок и опять жуёт.

Подровнял я второй горб, спустился на землю и побежал скорей в дом. Отрезал кусок хлеба, посолил и отнёс верблюду — за то, что он мне дал шерсти. Верблюд сначала соль слизал, а потом съел хлеб.

В это время мама пришла, дрова выгрузили, второго верблюда вывели, моего отвязали, и все уехали.

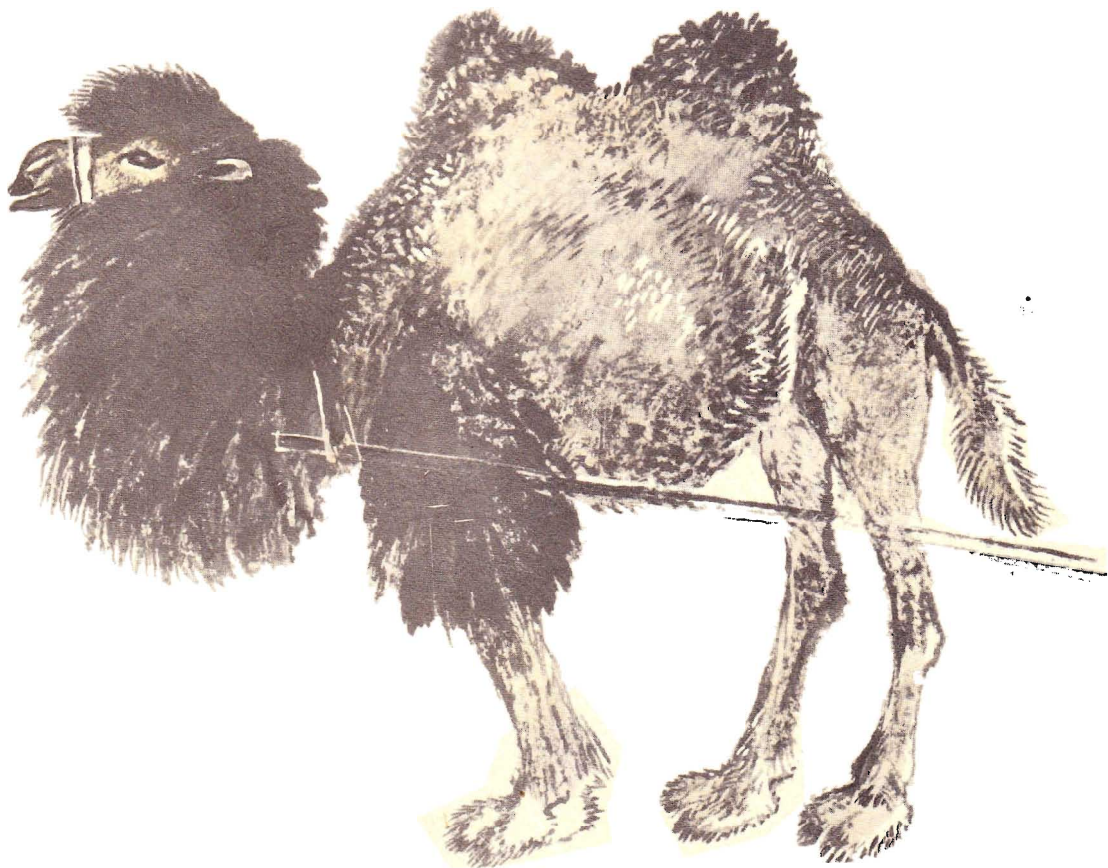
Мама меня дома бранить стала:

— Что же ты делаешь? Ты же простынешь без шапки!

А я правда шапку забыл надеть. Вынул я из кармана шерсть и маме показал — целая куча, совсем как овечья; только рыжая.

Мама удивилась, когда я рассказал, что это мне дал верблюд.

Из этой шерсти мама напряла ниток. Целый клубок получился, варежку довязать хватило и ещё осталось. И теперь я хожу гулять в новых варежках. Левая обыкновенная, а правая верблюжья. Она до половины рыжая, и когда я смотрю на неё, то вспоминаю верблюда.

МОРСКАЯ СВИНКА

За нашим садом — забор. Кто там живёт, не знал я раньше.

Совсем недавно узнал.

Ловил я в траве кузнечиков, смотрю — глаз из дырки в заборе на меня смотрит.

— Кто ты? — спрашиваю.

А глаз молчит и всё смотрит, за мной подглядывает.

Смотрел, смотрел, а потом говорит:

— А у меня морская свинка есть!

Интересно мне стало: простую свинку я знаю, а морскую никогда не видел.

— У меня, — говорю, — ёжик был живой. А почему свинка морская?

— Не знаю, — говорит. — Наверное, она в море раньше жила. Я её в корыто сажал, а она воды боится, вырвалась и убежала под стол!

Захотелось мне морскую свинку посмотреть.

— А как, — говорю, — тебя зовут?

— Серёжа. А тебя как?

Подружились мы с ним.

Побежал Серёжа за морской свинкой, я в дырку за ним смотрю. Долго его не было. Вышел Серёжа из дома, в руках несёт какую-то рыжую крысу.

— Вот, — говорит, — она, не хотела идти, у неё дети скоро будут: не любит, чтобы её за живот трогали, рычит!

— А где же у неё пяточок?

Серёжа удивляется:

— Какой пяточок?

— Как — какой! У всех свиней на носу пяточок есть!

— Нет, когда мы её покупали, у неё пятка не было.

Стал я Серёжу расспрашивать, чем он кормит свинку.

— Она, — говорит, — любит морковку, но молоко тоже пьёт.

Не успел мне Серёжа всё это рассказать, его позвали домой.

На другой день я гулял возле забора и смотрел в дырку: думал, Серёжа выйдет, свинку вынесет. А он так и не вышел. Дождь капал, и, наверное, мама его непустила. Стал я гулять по саду, смотрю — под деревом что-то рыжее лежит в траве.

Подошёл я поближе, а это Серёжина морская свинка. Обрадовался я, только не пойму, как она к нам в сад попала. Стал я забор осматривать, а там внизу дыра. Свинка, наверное, через эту дырку пролезла. Взял я её в руки, она не кусается, только нюхает пальцы и вздыхает. Промокла вся. Принёс я свинку домой. Искал, искал морковку, так и не нашёл. Кочерыжку от капусты ей дал, она кочерыжку съела и под кроватью на коврик уснула.

Я сижу на полу, смотрю на неё и думаю: «А что, если Серёжа узнает, у кого свинка жи-

вёт? Нет, не узнает: я её на улицу выносить не буду!»

Вышел я на крыльцо, слышу — где-то близко тарахтит машина.

Подошёл к забору, в дырку заглянул, а это у Серёжи во дворе стоит грузовая машина, на неё грузят вещи. Серёжа под крыльцом шарит палкой — наверное, ищет морскую свинку. Серёжина мама в машину подушки положила и говорит:

— Серёжа! Скорей надевай пальто, сейчас поедем!

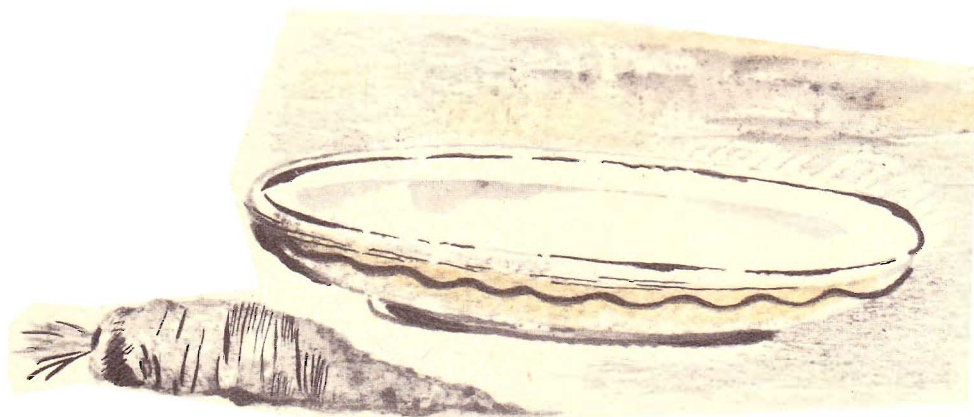
Серёжа заплакал:

— Нет, не поеду, пока не найду свинку! У неё дети скоро будут, она; наверное, под домом спряталась!

Жалко мне Серёжу стало, позвал я его к забору.

— Серёжа, — говорю, — кого ты ищешь?

Подошёл Серёжа, а сам всё плачет:

— Свинка моя пропала, а тут ещё уезжать надо!

Я ему говорю:

— Свинка твоя у меня, она к нам в сад убежала. Я тебе её сейчас вынесу.

— Ой, — говорит, — как хорошо! А я-то думал: куда она делась?

Принёс я ему свинку и подсунул под забор.

Серёжу мама зовёт, машина уже гудит.

Схватил Серёжа свинку и говорит мне:

— Знаешь что? Я тебе обязательно, когда она детей родит, маленькую свинку дам. До свиданья!

Сел Серёжа в машину, мама его плащом укрыла, потому что дождь начал капать.

Свинку Серёжа тоже плащом укрыл. Когда машина уезжала, Серёжа мне рукой махал и кричал что-то, я не разобрал — наверное, про свинку.

ЧУДЕСНАЯ ЛОДКА

Мне надоело жить в городе, и весной я уехал в деревню к знакомому рыбаку Михею. Михеев домик стоял на самом берегу речки Северки.

Чуть свет Михей уплывал на лодке рыбачить. В Северке водились огромные щуки. Всю рыбу они держали в страхе; попадались плотички прямо из щучьей пасти — на боках чешуя ободрана, будто оцарапали гребёнкой.

Каждый год Михей грозился поехать в город за щучьими блёснами, да никак не мог собраться.

Но однажды Михей вернулся с реки сердитый, без рыбы. Он молча затащил лодку в лопухи, велел мне не пускать соседских ребят и уехал в город за блёснами.

Я сел у окна и стал смотреть, как по лодке бегают трясогузка.

Потом трясогузка улетела, и к лодке подошли соседские ребята: Витя и его сестра Таня. Витя осмотрел лодку и стал тащить её к воде. Таня сосала палец и смотрела на Витю. Витя закричал на неё, и они вместе спихнули лодку в воду.

Тогда я вышел из домика и сказал, что брать лодку нельзя.

— Почему? — спросил Витя.

Я сам не знал почему.

— Потому, — сказал я, — что лодка эта чудесная!

Таня вынула палец изо рта:

— А чем она чудесная?

— Мы только до поворота доедем и обратно, — сказал Витя.

До речного поворота было далеко, и, пока ребята плыли туда и обратно, я всё придумывал что-нибудь чудесное и удивительное.

Прошёл час. Ребята вернулись обратно, а я так ничего и не придумал.

— Ну, — спросил Витя, — чем же она чудесная? Простая лодка, один раз даже на мель села и течёт!

— Да, чем она чудесная? — спросила Таня.

— А вы разве ничего не заметили? — сказал я, а сам старался поскорей что-нибудь придумать.

— Нет, ничего не заметили, — сказал Витя ехидно.

— Конечно, ничего! — сказала сердито Таня.

— Так, значит, ничего и не заметили? — спросил я, а сам хотел уже удрать от ребят.

Витя замолчал и стал вспоминать. Таня сморщила нос и тоже стала вспоминать.

— Видели следы цапли на песке, — робко сказала Таня.

— Ещё видели, как уж плывёт, только головка из воды торчит, — сказал Витя.

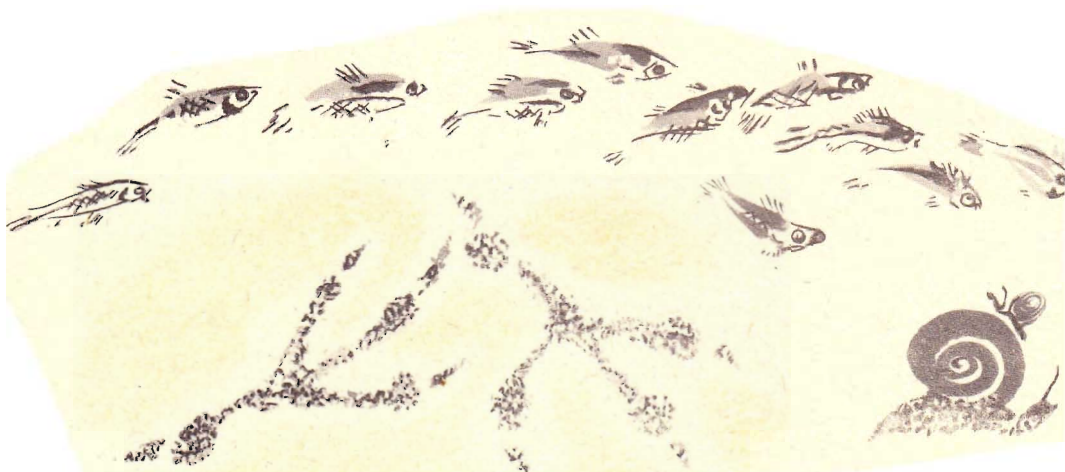
Потом они вспомнили, что зацвела водяная гречиха и ещё видели белый бутон кувшинки под водой. Витя рассказал, как стайка мальков выпрыгнула из воды, спасаясь от щуки. А Таня поймала большую улитку, а на улитке ещё сидела маленькая улиточка...

— Разве всё это не чудесно? — спросил я. Витя подумал и сказал:

— Чудесно!

Таня засмеялась и закричала:

— Ещё как чудесно!

Собирал я на болоте клюкву. Набрал полкорзинки, а солнце уже низко: из-за леса выглядывает, вот-вот скроется.

Спина устала немножко, распрямился я, смотрю — пролетела цапля. Наверное, спать. Она на болоте давно живёт, я её всегда вижу, когда она пролетает.

Солнце уже зашло, а светло ещё, небо на том месте красное-красное. Тихо вокруг, только кто-то кричит в камышах, не очень громко, а слышно далеко: «Ук!» Подождёт немножко, и опять: «Ук!»

Кто же это такой? Я этот крик и раньше слышал, только не обращал внимания. А сейчас мне как-то любопытно стало: может, это цапля так кричит?

Стал я ходить около этого места, где крик слышен. Близко совсем кричит, а никого нет.

Темно скоро будет. Пора домой.

Только немного прошёл — и вдруг кричать перестало, не слышно больше.

«Ага, — думаю, — значит, здесь!» Притаился я, стою тихо-тихо, чтоб не спугнуть. Долго стоял, наконец на кочке совсем рядом откликнулось: «Ук!» — и опять тишина.

Присел я, чтоб получше разглядеть, смотрю — лягушечка сидит и не шевелится. Маленькая совсем, а кричит так громко.

Поймал я её, в руке держу, а она даже не вырывается. Спинка у неё серая, а брюшко

красное-красное, как небо над лесом, где зашло солнце. Посадил я её в карман, корзиночку с клюквой взял — и домой. В окнах у нас уже свет зажгли, наверное, сели ужинать.

Пришёл я домой, дедушка меня спрашивает:

— Куда ходил?

— Ловил укалку.

Он не понимает.

— Что, — говорит, — за укалка такая?

Полез я в карман, чтоб её показать, а карман пустой, только немножко мокрый. «У! — думаю. — Противная Ука! Хотел её дедушке показать, а она убежала!»

— Дедушка, — говорю, — ну, знаешь, Ука такая — она вечером всегда на болоте кричит, с красным животом.

Дедушка не понимает.

— Садись, — говорит, — ешь да спать ложись, завтра разберёмся.

Встал я утром и весь день ходил, всё про Уку думал: вернулась она на болото или нет?

Вечером пошёл я опять на то же место, где поймал Уку. Долго стоял, всё слушал, не закричит ли.

«Ук!» — где-то сзади крикнула. Я её искал, искал, так и не нашёл. Подойдёшь поближе — молчит. Отойдёшь — опять начинает кричать. Наверное, она спряталась под кочку.

Надоело мне её искать, пошёл я домой.

Зато теперь-то я знаю, кто на болоте вечером так громко укает. Не цапля это, а маленькая Ука с красным животиком.

ХИТРЫЙ БУРУНДУК

Построил я себе в тайге чум. Это не домик и не лесной шалашик, а просто длинные палки вместе сложены. На палках лежит кора, а на коре — брёвнышки, чтобы куски коры не сдуло ветром.

Стал я замечать, что кто-то в чуме оставляет кедровые орешки.

Я никак не мог догадаться, кто же без меня в моём чуме орешки ест.

Даже страшно стало.

Но вот раз подул холодный ветер, нагнал тучи, и днём стало от непогоды совсем темно.

Залез я поскорее в чум, смотрю, а место моё уже занято.

В самом тёмном углу сидит бурундук. У бу-

рундука за каждой щекой по мешочку с орехами.

Толстые такие щёки, глаза щёлочками. Смотрит он на меня, боится орешки на землю выплюнуть: думает, что я их украду.

Терпел бурундук, терпел да и выплюнул все орешки. И сразу щёки у него похудели.

Я насчитал на земле семнадцать орешков.

Бурундук сначала боялся, а потом увидел, что я спокойно сижу, и стал рассовывать орешки по щелям и под брёвнышки.

Когда бурундук убежал, посмотрел я — всюду орешки напиханы, крупные, жёлтые. Видно, бурундук в моём чуме устроил кладовую.

Какой хитрый этот бурундук! В лесу белки да сойки все орешки у него растащат. А бурундук знает, что в мой чум ни одна сойка-воровка не полезет, вот и притащил ко мне свои запасы. И я уже не удивлялся, если находил в чуме орешки. Я знал, что со мной живёт хитрый бурундук.

БОБРЁНОК

Весной снег быстро растаял, вода поднялась и затопила бобровую хатку.

Бобры перетасили бобрят на сухие листья, но вода подобралась ещё выше, и пришлось бобряткам расплываться в разные стороны.

Самый маленький бобрёнок выбился из сил и стал тонуть.

Я заметил его и вытащил из воды. Думал, водяная крыса, а потом вижу — хвост лопаточкой, и догадался, что это бобрёнок.

Дома он долго чистился и сушился, потом нашёл веник за печкой, уселся на задние лапки, передними взял прутик от веника и стал его грызть.

После еды бобрёнок собрал все палочки и листики, подгрёб их под себя и уснул.

Послушал я, как бобрёнок во сне сопит. «Вот, — думаю, — какой спокойный зверёк — можно его одного оставить, ничего не случится!»

Запер бобрёнка в избе и пошёл в лес.

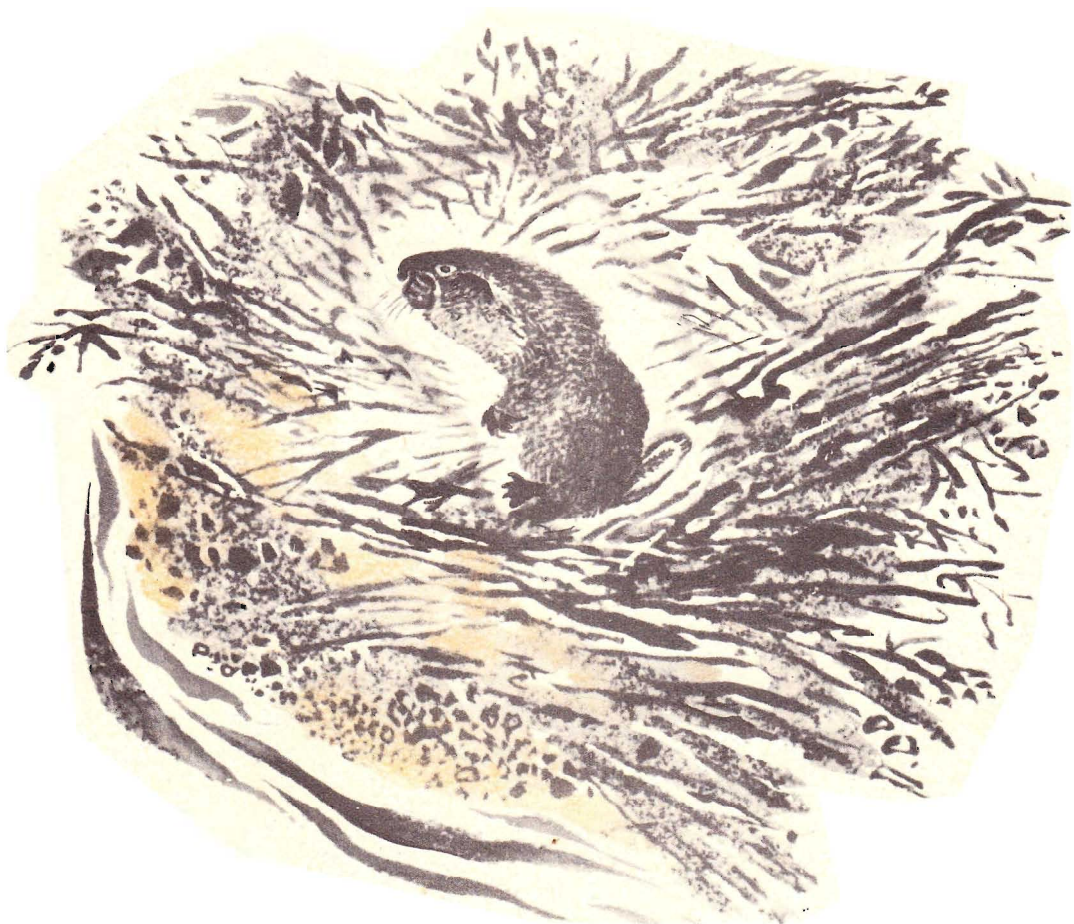
Всю ночь я бродил по лесу с ружьём, а утром вернулся домой, открыл дверь и...

Что же это такое? Как будто я в столярную мастерскую попал!

По всему полу белые стружки валяются, а у стола ножка тонкая-тонкая: бобрёнок её со всех сторон подгрыз. А сам спрятался за печку.

За ночь вода спала. Посадил я бобрёнка в мешок и поскорее отнёс к реке.

С тех пор как встречу в лесу поваленное бобрами дерево, так сразу подумаю про бобрёнка, который подгрыз мой стол.

БОБРОВЫЙ СТОРОЖ

Зимой, когда воду сковало морозом, нашёл я на лесной речке бобровую хатку. Снегом её всю замело. Стоит она, как большой сугроб. На самой верхушке снег подтаял, и из отдушинки жилым тянет. Вокруг много волчьих следов.

Видно, приходили волки и принюхивались, да так ни с чем и ушли. А хатку поцарапали когтями, хотели поймать бобров. Да разве до бобров доберёшься: хатка обмазана грязью, а грязь на морозе окаменела.

Весной бродил я с ружьём и решил посмотреть бобров. Когда добрался до хатки, солнце уже низко было. Около хатки речка перегорожена разными палками и сучьями — настоящая плотина. И воды набралось целое озеро.

Подошёл я тихонько поближе, чтобы увидеть бобров, когда они выплывут на вечернюю зорьку, да не тут-то было — выскочила из хвороста маленькая птичка-крапивник, задрала вверх свой хвостик и ну стрекотать: «Тик-тик-тик-тик!»

Я с другой стороны подошёл — крапивник и туда перескочил, опять стрекочет, тревожит бобров.

Поближе подойдёшь — он юркнёт в сучья и внутри где-то кричит, надрывается.

Услыхали его крик бобры и под водой уплыли.

Так я бобров и не увидел.

И всё из-за крапивника. Он себе гнездо на бобровой хате свил и живёт вместе с бобрами как сторож: как заметит врага, так начинает кричать, пугать бобров.

НОЧНЫЕ КОЛОКОЛЬЧИКИ

Мне очень хотелось увидеть оленя: рассмотреть, как он ест траву, как стоит неподвижно и прислушивается к лесной тишине.

Однажды я подошёл к оленихе с оленёнком, но они почуяли меня и убежали в красные осенние травы. Я узнал это по следам. Вот-вот они были: следы в болоте на моих глазах наполнялись водой.

Слышал, как трубят олени по ночам. Где-нибудь далеко протрубит олень, а по реке доносит эхом, и кажется — совсем рядом.

Наконец в горах я набрёл на оленью тропу. Олени протоптали её к одинокому кедру. Земля у кедра была солёная, и олени приходили ночью лизать соль.

Я спрятался за камнем и стал ждать. Ночью светила луна и был мороз. Я задремал.

Проснулся я от тихого звона.

Как будто звенели стеклянные колокольчики.

По тропе мимо меня шёл олень.

Я так и не рассмотрел оленя, только слышал, как с каждым шагом звенела земля у него под копытами.

За ночь от мороза выросли тонкие ледяные стебельки.

Они росли прямо из земли. Олень разбивал их копытами, и они звенели, как стеклянные колокольчики.

Когда взошло солнце, ледяные стебельки растаяли.

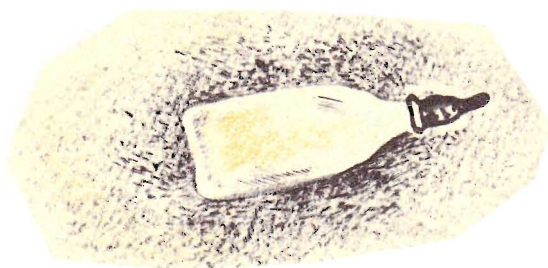
БЕЛЕК

Куда ни глянешь, вокруг одни льдины. Белые, зеленоватые, блестящие на солнце. Я стал вглядываться в узкую полоску воды, которую разрезал во льдах наш корабль.

И вдруг я увидел два чёрных глаза. Они смотрели на меня прямо со льдины, медленно проплывавшей мимо.

— Стой! Стой! Кто-то за бортом! — закричал я.

Корабль замедлил ход и остановился. Пришлось спустить шлюпку и вернуться к льдине.

Льдина была покрыта искрящимся снегом. И на снегу, как на одеяле, лежал белёк — детёныш тюленя.

Тюлени оставляют своих малышей на льду, и только утром приплывает к бельку мать, покормит молоком и опять уплывает, а он весь день лежит на льдине, весь белый, мягкий, как плюшевый. И, если бы не большие чёрные глаза, я его не заметил бы.

Положили белька на палубу и поплыли дальше.

Я принёс ему бутылочку молока, но белёк пить не стал, а пополз к борту. Я оттащил его обратно, и вдруг из его глаз покатилась сначала одна слеза, потом вторая и так и посыпали градом. Белёк молча плакал. Матросы зашумели и сказали, что надо скорее положить его на ту льдину. Пошли к капитану. Капитан поворчал-поворчал, но всё же развернул корабль. Льды ещё не сомкнулись, и по водяной дорожке мы пришли на старое место. Там белька снова положили на снежное одеяло, только на другую льдину. Он почти перестал плакать. Наш корабль поплыл дальше.

ОСЬМИНОЖЕК

Весной тёплые туманы стали подтачивать льдины.

А когда совсем потеплело, с береговым ветром прилетела на палубу бабочка.

Я поймал её, принёс в каюту и стал вспоминать, как весной в лесу зяблики поют и на полянках бегают ёжики.

«Хорошо бы, — думаю, — ёжика поймать! Только где его в северном море поймаешь?..»

И завёл я вместо ёжика маленького осьминожка: он с рыбой в сетях запутался.

Посадил я осьминожка в банку из-под варенья, а банку поставил на стол.

Так и жил у меня в банке осьминожек. Я что-нибудь делаю, а он за камушком притаится и за мной подглядывает. Камушек серый, и осьминожек серый. Солнцем его осветит — жёлтым станет, это так он маскируется.

Однажды я читал книгу. Сначала тихо сидел, а потом стал быстро перелистывать страницы.

Осьминожек вдруг стал красным, потом жёлтым, потом зелёным. Он испугался, как страницы замелькали.

А ёжик разве так умеет? Он только колется да фыркает.

Постелил я как-то под банку зелёный платок — и осьминожек стал зелёным. А один раз я банку с осьминожкой на шахматную доску поставил, и осьминожек не знал, каким ему быть — белым или чёрным. А потом разозлился и покраснел.

Но я его больше не злил. И, когда наступило настоящее лето, я выпустил осьминожка на подводную полянку, где помельче и вода потеплее: ведь он ещё совсем маленький!

СОДЕРЖАНИЕ

Скворец	3
Верблюжья варежка	7
Морская свинка	10
Чудесная лодка	14
Ука	17
Хитрый бурундук	20
Бобрёнок	22
Бобровый сторож	24
Ночные колокольчики	26
Белёк	28
Осьминожек	30

Для младшего школьного возраста

Геннадий Яковлевич Снегирёв

ЧУДЕСНАЯ ЛОДКА

Р а с с к а з ы

ИБ № 5764

Ответственный редактор **Л. И. Доукша**

Художественный редактор **Н. З. Левинская**

Технические редакторы **Е. П. Трифонова** и **М. В. Гагарина**

Корректор **Е. И. Щербакова**

Сдано в набор 07.08.81. Подписано к печати 08.12.81. Формат 70 × 100^{1/16}. Бум. офс. № 2. Шрифт литературный. Печать офсетная. Усл. печ. л. 2,6. Усл. кр.-отг. 6,5. Уч.-изд. л. 1,86. Тираж 2000 000(1000 001—2000 000) экз. Заказ № 227. Цена 10 коп. Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Детская литература» Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Москва, Центр, М. Черкасский пер., 1. Фабрика «Детская книга» № 2 Росглаволиграфпрома Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Ленинград, 193036, 2-я Советская, 7.

10 коп.

5-00

Серия «ЧИТАЕМ САМИ»

Дорогие ребята!
Издательство «Детская литература» выпускает для вас
серию книг «Читаем сами».
в 1982 году выходят книги:

Астафьев В.
СТРИЖОНОК СКРИП.
Рассказы о птицах

Александрова Э.
ВЬЮТСЯ ИСКОРКИ КОСТРА.
Стихи о пионерах и октябрятах,
их делах, играх, занятиях

Баруздин С.
ШЕЛ ПО ГОРОДУ СОЛДАТ.
Рассказы о войнах Советской
Армии

Гайдар А.
ПОХОД.
Рассказы.

ПОСИДИМ В ТИШИНЕ.
Стихи и рассказы о маме.